

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-196-219>
<https://elibrary.ru/JXIKFU>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. М. В. Друзин

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Два дневника генерал-лейтенанта Николая Афанасьевича Обручева

Аннотация: В статье анализируются два дневника генерал-лейтенанта Николая Афанасьевича Обручева, которые он вел в годы Первой мировой войны: «Что видел и слышал на войне» за осень 1914 г. — март 1916 г. (хранится в Российском государственном историческом архиве) и ежедневник за весь 1916 г. (хранится в Российском государственном военно-историческом архиве). Первый представляет собой литературную обработку ежедневника, последний является традиционным — записи туда заносились каждый день. В работе даются краткие биографические сведения об авторе и его семье, общая источниковедческая характеристика дневников, раскрывается история бытования литературного дневника от момента его создания до попадания в архив. Проводится сравнительный текстологический анализ нескольких записей двух дневников за период начала января 1916 г. Реконструируется методика ведения литературного дневника, записи в который, в отличие от ежедневника, вносились периодически и блоками; предлагаются принципы датировки этих записей на основе воссозданной видовой и тематической их структуры. Анализ хронологически пересекающихся частей дневника позволил сделать вывод о наличии уникальной информации в обоих дневниках, их взаимодополняющем, но самостоятельном характере.

Ключевые слова: Первая мировая война, литературный дневник, ежедневник, Николай Афанасьевич Обручев, датировка, источники.

Информация об авторе: Михаил Викторович Друзин, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, ул. Петро-заводская, д. 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-310X>

E-mail: mdruzin@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 26.04.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.05.2022

Дата публикации статьи: 25.09.2022

Для цитирования: Друзин М. В. Два дневника генерал-лейтенанта Николая Афанасьевича Обручева // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 196–219. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-196-219>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 196–219. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 196–219. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Mikhail V. Druzin**
St. Petersburg Institute of History
of Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Two Diaries of Lieutenant General Nikolai Afanasyevich Obruchev

Abstract: The article examines two diaries of Lieutenant General Nikolai Afanasyevich Obruchev, which he kept during the First World War. The first one was named “What I saw and heard in the war” for the fall of 1914 – March 1916 (stored in the Russian State Historical Archive) and the second is a diary for the whole of 1916 (stored in the Russian State Military Historical Archive). The first is a literary processing of the diary, the latter is traditional: entries were entered there every day. The article provides brief biographical information about the author and his family, general source characteristics of the diaries, reveals the history of the existence of a literary diary from the moment it was created to getting into the archive. A comparative textual analysis of several entries in two diaries for the period of early January 1916 allows to reconstruct the method of keeping a literary diary. Its entries, unlike the diary, were made periodically and in blocks. The article proposes the principles of dating these records on the basis of their recreated specific and thematic structure. The analysis of chronologically intersecting parts of the diary made it possible to conclude that both diaries contain unique information, their complementary, but independent nature.

Keywords: World War I, literary diary, diary, Nikolai Afanasyevich Obruchev, dating, sources.

Information about the author: Mikhail V. Druzin, PhD in History, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya 7, 197110 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-310X>

E-mail: mdruzin@mail.ru

Received: April 26, 2022

Approved after reviewing: May 23, 2022

Published: September 25, 2022

For citation: Druzin M. V. “Two Diaries of Lieutenant General Nikolai Afanasyevich Obruchev.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 3, 2022, pp. 196–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-196-219>

Личный дневник, создаваемый в условиях крупномасштабных военных действий, — особый источник. Он повествует не только о зафиксированных в нем событиях, свидетелем и участником которых выступил автор. Характер и методика ведения такого дневника, помимо собственно дневниковых записей, позволяют отчасти реконструировать военные будни, занятия и занятость автора, отражают в себе особенности его личности (последнее, впрочем, присуще любому дневнику).

К 100-летию начала и окончания Первой мировой войны был выявлен и издан большой корпус дневников ее участников самых разных военных чинов, званий и должностей. Эта работа продолжается и сегодня. Сравнение указанных дневников не только по содержанию, но по внешним характеристикам: общий объем дневника, регулярность внесения, объема и содержательной структуры записей — как по горизонтали, т. е. когда авторами выступают военные одного ранга, так и по вертикали военной иерархии, дает исследователю новую информацию, не зафиксированную письменно.

Начальник 1-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Николай Афанасьевич Обручев (1864–1929) в годы Первой мировой войны вел параллельно сразу два личных дневника — случай редкий. Один — ежедневный (или дневник-календарь, как обозначал его сам автор), размером с карманную записную книжку, куда он каждый день заносил краткие записи, ограничивая себя одной страничкой. Другой — литературный¹, имеющий авторское название: «Что видел и слышал на войне». К сожалению, ни дневник-календарь, ни литературный дневник не дошли до нас в полном объеме.

Литературный дневник должен был охватить собой (и скорее всего охватил) весь период Первой мировой войны — такая цель обозначена

¹ Такую условную дефиницию мы даем для удобства понимания, о каком из двух дневников идет речь.

на в авторском наименовании. Сохранившиеся же в Российском государственном историческом архиве тетради этого дневника описывают события со дня объявления всеобщей мобилизации в Российской империи 18 июля 1914 г. и до 21 марта 1916 г. Свидетельство того, что ведение литературного дневника продолжалось далее, хранит в себе дневник-календарь.

Дневник-календарь содержит записи только за 1916 г. — с 1 января по 31 декабря. В отличие от литературного, его Н. А. Обручев начал вести еще до войны, о чем свидетельствуют воспоминания его супруги Констанции Евгеньевны (урожденной баронессы Тизенгаузен). Таким образом, ежедневный дневник не был вызван к жизни началом Первой мировой войны или необходимостью в военно-походных условиях делать какие-то краткие записи для памяти. Для Николая Афанасьевича это было привычное и давно устоявшееся занятие.

С одной стороны, оба дневника хронологически почти не пересекаются, что позволяет проследить в дневниковых записях Обручева события Первой мировой войны за большой промежуток времени. С другой стороны, что не менее важно, можно сравнить и проанализировать записи двух дневников за период с 1 января по 21 марта 1916 г. Прежде чем обратиться к характеристике и сравнению двух дневников, а также к реконструкции методики ведения литературного дневника, кратко остановимся на биографии автора.

Николай Афанасьевич родился 31 мая 1864 г. в Николаевске-на-Амуре в семье военного инженера подполковника Афанасия Николаевича Обручева (1829–1871), занимавшегося в то время строительством оборонительных укреплений устья Амура. Образование Обручев получил уже в военных учебных заведениях Петербурга, куда семья вернулась в 1868 г., завершив его Николаевской академией Генерального штаба в 1892 г. с переводом в Генеральный штаб. После ранней смерти отца в 1871 г. Обручев поступил на попечение своего дяди — Николая Николаевича Обручева (1830–1904), активного участника разработки военной реформы и будущего начальника Главного штаба, который занялся воспитанием и обучением племянника.

В 1887 г. Николай Афанасьевич обзавелся семьей. Он женился на баронессе Констанции Евгеньевне фон Тизенгаузен (1865–1948). В браке родились дети: дочь Татьяна (1888–1962) и сыновья Николай (1889–1911) и Сергей (1891–1916).

Служба кадрового офицера проходила в Одессе, Петербурге и Москве. В 1903–1906 гг. Обручев возглавлял Историко-архивное отделение Главного штаба, а последние пять лет перед Первой мировой войной он служил в должности обер-квартирмейстера Главного управления Главного штаба. Войну генерал-майор Обручев встретил начальником 1-й Финляндской стрелковой бригады, размещавшейся в Гельсингфорсе. Вынужденный в соответствии с приказом переместиться в штаб Двинского военного округа для организации мобилизации, Обручев по успешному выполнению поставленной задачи просится в действующую армию. Приказом верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича ему возвращают его бригаду (с 1915 г. — дивизия), во главе которой Николай Афанасьевич проходит почти всю войну. 31 марта 1917 г. его назначают командиром 22-го армейского корпуса, а 27 июля того же года отправляют в резерв. Более ни в Первой мировой, ни в Гражданской войнах Обручев участие не принимает. В 1920 г. вместе с женой и дочерью он эмигрирует в Сербию, где служит чиновником Исторического отделения Сербского Генерального штаба. Возглавив движение легитимистов, в 1924–1927 гг. Обручев выступает военным и политическим представителем великого князя Кирилла Владимировича в Югославии. Николай Афанасьевич скончался 22 декабря 1928 / 4 января 1929 г. на заседании Совещания по военным делам в Белграде [Друзин: 119–121; Михайлов: 225–227].

Дневник Обручева «Что видел и слышал на войне» хранится в Российском государственном историческом архиве в фонде № 1102 «Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде (коллекция)»¹. Он был обнаружен автором настоящей статьи первым из двух дневников, поэтому начнем с его описания. Дневник представляет собой четыре рукописных тетради объемом 61, 85, 100 и 125 листов соответственно. Каждая тетрадь снабжена авторским оглавлением и иллюстрациями. Три четверти объема дневника приходится на 1915 г. Несмотря на то, что, как мы отмечали выше, дневник охватывает события с 18 июля 1914 г., вести его Николай Афанасьевич, очевидно, начал в конце ноября — начале декабря 1914 г., когда война на фронте в Восточной Пруссии приняла

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1421–1424. 371 л.

позиционный характер. Ряд записей имеют ретроспективный характер. Заканчивается четвертая тетрадь мартом 1916 г.: последняя запись сделана 21-го числа. Очевидно, что сам дневник на этом не завершается. По мере заполнения очередной тетради Обручев с оказией отсылал ее Констанции Евгеньевне и начинал заполнять следующую тетрадь. 23 сентября 1915 г. письмом он спрашивает у супруги: «Танюля, я давно и не помню уже с кем послал свой дневник. Получила ли ты его?»¹. Речь идет о 3-й тетради, в последней записи которой упоминается дата 28 августа. Следующая, 4-я тетрадь, начинается с записи о перемене Верховного Главнокомандования 23 августа 1915 г., а за ней следует запись с упоминанием даты 29 августа. Таким образом 4 тетради были переправлены с фронта в Петроград и помещены Констанцией Евгеньевной в банковскую ячейку. Реконструировав методику заполнения литературного дневника, о чем речь пойдет ниже, мы предполагаем, что 5-я тетрадь, которая безусловно существовала, т. к. она упоминается в дневнике-календаре за 1916 г., заполнялась менее интенсивно. В 1916 г. это было обусловлено активизацией боевых действий на фронте, а вторую четверть 1917 г., до увольнения в резерв, Обручев провел в должности командира 22-го армейского корпуса, и, очевидно, заниматься литературным дневником удавалось еще реже. Поэтому, скорее всего, 5-я тетрадь путешествовала вместе с автором в 1916 и 1917 гг. и затем отправилась в эмиграцию.

«Литературным» мы обозначили этот дневник, исходя из характера записей, сделанных в нем Обручевым. Они представляют собой малые и большие рассказы или эссе, иногда даже анекдоты на разные темы военной и фронтовой жизни, в которых запечатлены и личные переживания автора. Записи, за редким исключением, не датированы, но каждая имеет свой заголовок. Как будет показано ниже, записи литературного дневника заносились блоками. Перерыв между написанием блоков мог достигать нескольких недель и обуславливался наличием свободного времени, возникавшего вследствие затишья на фронте, болезни или плохой погоды. Каждый блок структурно состоял из трех видов записей и фиксировался в дневнике одновременно — в течение одного — трех дней. Условно эти виды записей можно обозначить так: 1) записи о военных действиях; 2) записи семейного характера;

¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1419. Л. 59 об.

3) различные зарисовки из быта военной и не только жизни (здесь же — анекдоты, слухи, общие размышления). Виды записей следовали именно в указанной последовательности. Зарисовки обычно завершают блок и указывают на то, что следующая запись сделана спустя определенный временной промежуток. Первые два вида записей носят проблемно/тематически-хронологический характер. Некоторые из них датируются самим автором и таким образом выступают реперными точками. Например, между записями «Прогулка», которая завершается фразой «Так закончилась прогулка 18 декабря», и записью «Почему мы стоим на месте», которая датируется автором 22 декабря, в дневнике за 1914 г. поместились записи «На проволоке», «Мобилизация» (о событиях июля – августа 1914 г.), «В приемной штаба округа», «Законник» (без указания каких-либо дат внутри), «В окопе» (с упоминаемой датой 23 ноября), «Благодарность» (20 декабря), «Вошь», «Рачкинские и бакаларжевские» (период 27 сентября – 20 октября), «Добровольные массовые сдачи в плен» (19 декабря)¹.

Опыт литературной работы у Николая Афанасьевича накапливался еще с середины 1880-х гг. Констанция Евгеньевна объясняла появление такого интереса у Обручева влиянием великого князя Константина Константиновича, который служил с ним в одно время в Измайловском полку. Тогда Обручев написал свой первый рассказ для «Измайловского досуга» [Обручева: 187]. В последующем он регулярно сотрудничал с журналами «Русский инвалид», «Военный сборник», публиковался в «Морском сборнике», «Голосе Москвы» и «Летописи войны с Японией».

Очевидно, осознавая, свидетелем каких эпохальных событий он становится, Обручев решил не просто кратко фиксировать их в дневнике-календаре, но раскрашивать красками (иногда в буквальном смысле), оживлять. Затишье после первых месяцев войны, возможно, подтолкнуло автора к более развернутому описанию событий на основе дневника-календаря.

Приведем пример записи литературного дневника за май 1915 г., озаглавленной как «Страх лошади» (запись относится к виду зарисовок): «При одном из объездов позиции у деревни Бригидау, заехал в ставку временно командующего 2-м Финляндским стрелковым полком полковнику Жнову. Вместе со мной ездил штабс-капитан Дитков-

¹ См.: РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1421. Л. 18 об.–32.

ский (Макс Вячеславович). Едва мы успели мирно расположиться на скамейке у дома, стоящего на перекрестке двух дорог, как противник открыл ураганный огонь шрапнелью: один снаряд разорвался недалеко от дома, а другие низко перелетали дом и рвались за лесом, находящимся тут же. Быстро все мы снялись с места и отправились в блиндаж, расположенный в шагах 100 от дома. Лошади наши в это время находились в лесу, трепетали от страха и выли. До этих пор я не знал, что от страха лошадь не ржет, а воет*. Возвращаясь домой в деревню Бригидау, мой конь “Ворон” страшно волновался и успокоился только тогда, когда разрывы остались далеко позади.

*Никто не сказал бы, что это воет лошадь, так мало он вяжется с представлением о лошади»¹.

В дневнике-календаре за 1916 г. Обручев фиксировал дни, когда заполнял литературный дневник, но представляется, что упоминания не охватывают всех случаев заполнения дневника. Так, факт внесения записей в литературный дневник за первый квартал 1916 г. в дневнике-календаре Обручев отмечает только однажды — 21 марта 1916 г. На самом же деле их было значительно больше. Так как 5-я тетрадь не сохранилась, мы можем лишь предполагать частоту занесения записей. В дневнике-календаре она отражена следующим образом: *21 марта*: «Сегодня просидел в штабе. Занимался делами, а затем писал дневник об отпуске» (речь о предпоследней записи в 4-й тетради «Отпуск», последняя — «Смена военного министра», видимо, была сделана тогда же); *11 апреля*: «Писал дневник»; *8 августа*: «писал свой дневник»; *11 сентября*: «целый день просидел в штабе за дневником и чтением книги Литрова»; *11 октября*: «Писал в дневнике бой 2 и 3-го октября»; *27 октября*: «Сегодня день провел в штабе за разными бумагами, наградными представлениями, дневником и чтением книги Литрова»; *6 ноября*: «Погода сегодня отвратительная. Целый день метет и довольно холодно. День провел в штабе за дневником, писанием наградных представлений и прочего»².

Общий объем четырех тетрадей литературного дневника составляет 15 авторских листов.

¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1423. Л. 10.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Ч. 8. Л. 1238, 1271 об., 1309, 1325, 1340, 1347, 1352.

Благодаря публикации в социальных сетях отдельных записей литературного дневника, поискам его продолжения и общению с коллегами, осенью 2019 г. был найден и атрибутирован другой дневник Обручева — дневник-календарь¹. Книжка за полный 1916 г. была обнаружена в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде военного министра А. А. Поливанова² и первоначально считалась дневником военного министра. Однако почерк автора и содержание дневника при сравнении с дневником Обручева из РГИА оказались сопоставимыми.

Дневник-календарь за 1916 г. представляет собой изданную типографским способом «Карманную записную книжку» «День за днем» на 1916 г. издания Отто Кирхнера. Формат такой книжки 16×10 см. Каждая страница обозначена датой. В эту страничку Обручев и помещал запись за день. Ее он заполнял ежедневно за редкими исключениями, с 1 января по 31 декабря 1916 г. Нельзя сказать, что записи в ней носят, например, только военный или только личный характер. Это обычный дневник, в котором кратко отражены самые важные для автора происшествия за день. Есть там и описания, и переживания. Но они лаконичны. Безусловно, Николай Афанасьевич использовал этот дневник (и книжки за предыдущие годы) для написания литературного. Так, он всегда указывал человеческие потери после военных операций. Эти данные потом могли приводиться в литературном дневнике. Однако какая-то информация иногда есть в одном дневнике, но отсутствует в другом. Поэтому они друг друга дополняют. Как и литературный дневник, дневник-календарь по его заполнению, т. е. в начале следующего года в период Первой мировой войны, пересылался Обручевым домой в Петербург. Об этом свидетельствует запись дневника-календаря за 4/17 января 1916 г.: «Уехали кап<итан> Пеленкин и сотник Трояновский, первый в Гельсингфорс, второй в Москву. Дал Пеленкину *прошлогодний дневник-календарь* (курсив мой. — М. Д.) и много

¹ Пользуясь случаем, выражаем огромную благодарность начальнику Отдела научно-справочного аппарата Олегу Вячеславовичу Чистякову и начальнику Отдела публикации документов Сергею Александровичу Харитонову Российского государственного военно-исторического архива за выявление дневника Н. А. Обручева и сообщение об этой ценной для нас находке.

² РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Ч. 8. 236 л.

писем»¹. Объем дневника составляет 5,5 авторских листов. Как дневник-календарь за 1916 г. оказался в фонде Поливанова, установить пока не удалось.

Помимо самостоятельного значения дневника-календаря как источника по истории Первой мировой войны в 1916 г. (в частности — Брусиловского прорыва), сведения которого строго привязаны к датам, он имеет большое источниковедческое значение в отношении литературного дневника Обручева. Сравнительный текстологический анализ хронологически пересекающихся записей обоих дневников позволил реконструировать процесс ведения литературного дневника, помог разработать принципы датировки его записей, а также утвердительно ответить на вопрос, является ли литературный дневник собственно дневником, а не позже записанными воспоминаниями на основе дневников-календарей.

Выше мы уже раскрыли общую методику ведения литературного дневника. Здесь же хотим ее продемонстрировать на конкретных примерах. В приложении мы публикуем первые 8 записей литературного дневника за 1916 г. в той последовательности, в какой они представлены в дневнике, и записи за 1–8 января 1916 г. дневника-календаря в фрагментированном виде, чтобы проиллюстрировать, как из нескольких фрагментов разных ежедневных записей формировалась одна запись литературного дневника. В таблице обозначены два блока записей с указанием ориентировочной датировки их составления, внутри каждого блока обозначен вид каждой записи литературного дневника. Так как записи дневника-календаря приводятся в фрагментах, в квадратных скобках в начале каждой из них указано: [Из записи за N января], кроме записи за 1 января, которая приводится полностью. Сумма фрагментов каждой записи дневника-календаря за 2–6 января 1916 г. составляет полный текст ежедневной записи, за 7–8 января цитируются фрагменты, посвященные сыну Сергею. Наконец, так как записи литературного дневника третьего вида не опираются на записи дневника-календаря, они даны во всю ширину таблицы, как для экономии места, так и для демонстрации их уникальности.

Дневник «Что видел и слышал на войне» за 1916 г. открывается записью, озаглавленной «Встреча 1916 года». Она содержит в себе описание событий 31 декабря 1915 г. и 1 января 1916 г. Поскольку дневни-

¹ РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Ч. 8. Л. 1199 об.

ка-календаря за 1915 г. в нашем распоряжении нет, мы не можем судить, насколько эта запись в первой своей части (от 31 декабря) опирается на дневник-календарь. Но абзац с описанием 1 января 1916 г. почти полностью повторяет запись дневника-календаря за 1 января 1916 г. При этом надо отметить, что каждая из параллельных записей содержит неповторимые нюансы. Эту запись мы относим к первому виду — о военных действиях/военной жизни.

Вторая запись озаглавлена «Подпольная литература». По содержанию мы ее относим к третьему виду записей. Она не имеет фактографической опоры в дневнике-календаре за 1916 г., но, возможно, опирается на дневник 1915 г. Обе первые записи мы датируем 1 января 1916 г.

Второй блок открывается записью «Изменение задачи 1-й Финляндской стрелковой дивизии». Она аккумулирует в себе информацию из трех ежедневных записей: за 2–4 января 1916 г. Однако ее составление растянуто во времени. 2 января к Обручеву приезжает сын Сергей, и это первое, что записывает автор, отмечая, что «выехал он *вчера* (курсив мой. — М. Д.) из полка»¹. Это «вчера» говорит о том, что в части записи, посвященной описанию 2 января, она была сделана в тот же день. А описание 3 и 4 января было сделано либо 4 января, либо, скорее всего — после отъезда Сергея, который пробыл с отцом до 8 января. Представляется, что время, проведенное с сыном в условиях войны, было очень дорого отцу, и он отвлекался только на заполнение дневника-календаря. Следующая запись, также относимая нами к первому виду, «Новое изменение задачи 1-й Финляндской стрелковой дивизии» охватывает 5–6 января 1916 г. и заносится в дневник не раньше 9 января.

Второй вид записей — семейного характера — представлен в этом блоке двумя наименованиями: «Памятник» и «Приезд Сергея в Задросцы». «Памятник» опирается на короткое предложение из ежедневной записи за 3 января и память автора. Литературная запись значительно шире, она посвящена умершему в 1911 г. сыну Николаю и желанию установить ему памятник. «Приезд Сергея в Задросцы» посвящен описанию совместного времяпрепровождения отца и сына с 2 по 8 января. Отдельные его элементы перекликаются с ежедневными записями за 2–8 января, однако запись литературного дневника значительно шире

¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1424. Л. 93.

и информативней. С другой стороны, она не содержит информацию из ежедневной записи от 7 января: «Сергей очень сошелся со штабными офицерами, больше всех ему нравится Сальников»¹.

Завершается второй блок третьим видом записей — зарисовкой о сотнике Николае Павловиче Трояновском и военным анекдотом. Ничего похожего в ежедневных записях за эти дни мы не находим.

Записи ежедневника за 9–12 января не нашли своего отражения в литературном дневнике. Представляется, что в эти дни Обручев вносил туда записи второго блока, содержание которых показалось ему более важным, нежели события 9–12 января. Следующий блок литературного дневника открывается записью, раскрывающей события 13 января 1916 г.

Проведенный сравнительный текстологический анализ, помимо уже сказанного выше, говорит о том, что Николай Афанасьевич подходил к написанию литературного дневника творчески. Он тематически суммировал в одной его записи несколько фрагментов ежедневных записей, часто существенно расширяя их. Причем разные записи литературного дневника могли опираться на разные фрагменты одной и той же записи дневника-календаря. Записи же третьего вида имели полностью самостоятельный характер — это анекдоты, биографические зарисовки сослуживцев, размышления по поводу актуальных новостей общественной, политической и военной жизни, зарисовки быта офицеров и нижних чинов. Благодаря своему аккумулятивному характеру, записи литературного дневника содержат элементы аналитики.

Оба дневника самоценны и самостоятельны, они дополняют друг друга, но заменить не могут. К сожалению, до нашего времени не дошли (или пока не обнаружены) полные комплексы дневников Обручева. Надеемся, что их публикация поможет ответить на вопрос о судьбе неизвестной нам заключительной части литературного дневника и книжек ежедневника за другие годы. Вместе с тем, найденные части обоих дневников позволили не только взглянуть на каждый из них с новой стороны, но и дополнили портрет их автора — организованного, скрупулезного, и в то же время человеческого, эмоционального, не лишённого литературного дара Николая Афанасьевича Обручева.

¹ РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Ч. 8. Л. 1201.

Таблица соответствия записей литературного дневника и дневника-календаря Н. А. Обручева за период с 1 по 11 января 1916 г.

Литературный дневник ¹	Дневник-календарь за 1916 г. ²
1-й блок дневника «Что видел и слышал на войне» за 1916 г. [01.01.1916]	
<p>1) [Запись о военной жизни]</p> <p><i>«Встреча 1916 года»</i></p> <p>Новый год мы встречали в д<е-ревне> Задросцы. Погода была облачная и умеренно прохладная. Полуразвалившиеся халупы, покрытые снегом, только слегка вырисовывались в вечерней мгле. Вечер был хорош. На позиции у нас в течение всего дня было тихо, только под вечер на короткое время неприятельская артиллерия обстреливала нашу позицию. Около 10½ час<ов> отправились ужинать. Весь штаб был в сборе, а к 12 часам подъехал див<изионный> интендант со своими чинами. В столовой опять горела елка, хотя и не блиставшая обилием свечей. Ужин состоял из яичницы с рубленным мясом; было много закусок; из вин был коньяк и шампанское; каждый получил по ½ стакана шампанского. После закуски и шампанского все несколько повеселели и разговор оживился. Беседа затянулась далеко за полночь, а молодежь просидела в столовой чуть ли не до 4 час<ов> утра.</p> <p>1 января утром были поздравители и получались телефонограммы с поздравлениями и пожеланиями всевозможных благ. Днем</p>	<p>[Запись за 31 декабря 1915 г.]</p> <p>Январь. 1/14 П<я>т<ница></p> <p>По обычаю, твердо установившемуся, утром были поздравители. Днем ездил осматривать разбивку передовых пунктов. Ездил с кап<итаном> Земцовым и сапером Березовским. Днем была небольшая артил<ерийская> перестрелка</p>

¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 1424. Л. 91 об.–93 об., 97–101.

² РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Ч. 8. Л. 1198–1201 об.

<p>ездил с кап<итаном> Земцовым на разбивку передовых укреплений. Днем же у нас в Задросцы неприятельский аэроплан сбросил бомбу; разрыв был очень сильный, но вреда никому не причинил. Вечером после ужина к нам приходили ряженные артиллеристы — 5 чел<овек> — плясали и пели. Пели много хуже, чем песенники 3<-го> полка.</p>	<p>между нами и противником. Над Задросцами летал неприятельский аэроплан и сбросил бомбу в нашу деревню. Бомба упала на дорогу, не причинив никому вреда. Отправил открытки домой. После ужина приходили ряженные — артиллеристы и пели, и танцевали, — дал им 5 рублей. В общем чувствую некоторую усталость, может быть потому, что мало надежд на скорое окончание войны. Погода стоит хорошая, хотя и зимняя. Дорога стала несколько лучше</p>
<p>3) [Запись с размышлениями] <i>«Подпольная литература»</i> Генерал-квартирмейстер штаба 11<-й> армии прислал¹ к нам в штаб дивизии, для сведения, переписку из Департамента полиции о способе распространения «Союзом мира» из Швеции и Дании воззваний с требованием немедленного мира. Воззвание это составлено якобы от солдат и народа. Распространение воззваний делается так: Лицо, проживающее в Петербурге, поместило в одной из газет объявление о приискании труда. В ответ на это объявление из заграницы получено было этим лицом предложение распространять в России товары одной из торговых фирм Стокгольма. За этот труд предлагалась плата в 80 руб<лей> в месяц; между прочим, в письме помещена была фраза: «Обратите внимание на 50<-ю> стр<аницу> нашего преискуранта». Адрес отправителя был</p>	<p>[Возможно сделана на основе записей дневника-календаря за 1915 г.]</p>

¹ От 26 декабря 1915 г. за № 840а. (прим. Н. А. Обручева).

указан такой: Stokholm, Regeninsgat, 23-11-Y-O. Fr. Krers. Чрез несколько времени тем же лицом была получена книга в переплете, причем на 50-й странице книги, неразрезанной сбоку и снизу, в правом углу внизу оказалась записка со следующим содержанием: «За распространение одного транспорта Союз мира предлагает 200 рублей; если согласны — напишите, может быть можете приехать в Стокгольм для личных переговоров, подпишитесь любой фамилией». Кроме того, в записке было указано вскрыть заднюю крышку переплета и приведен адрес для ответа, а именно: «Stokholm Regeninsgat, 23 Fr Krers — Левину». В задней крышке переплета, с наружной стороны несколько выпуклой, было вложено 50 экземпляров воззвания. Содержание воззвания такое:

«Солдаты и народ требуют немедленный мир. Несчастливая война, которая вызвана желанием самозванца, истребителя русского народа Николая Николаевича, привела Россию к полной гибели. Всемирно предаем суду этого злодея с проклятием его и потомства его. Кровь — ваша, гибель — ваша».

Я думаю, что воззвание — это дело рук Германии. Распространение этих воззваний у нас в войсках до сих пор не замечалось, и я не думаю, чтобы на нижних чинах оно произвело какое-либо впечатление. Среди войск, особенно нижних чинов, имя великого князя Николая Николаевича пользуется большим уважением.

2-й блок дневника «Что видел и слышал на войне» за 1916 г. [02.01, 09-11.01.1916]

1) [Записи о военной жизни]
«Изменение задачи 1<-й> Ф<ин-
ляндской> стр<елковой> дивизии»

2 января утром приехал Сергей. Выехал он вчера из полка и ночевал в Микулинцах. Нечего описывать, что приезд его большая радость для меня.

Вечером меня вызвал в Струсов к<оманди>р корпуса и сказал, что задача дивизии им изменена. Предполагается при предстоящем наступлении на мою дивизию возложить помимо обеспечения правого фланга корпуса также и атаку Злотниковского леса. После захвата этого леса мы совместно с 3<-й> Ф<инляндской> стр<елковой> дивизией должны на плечах противника переправиться на зап<адный> берег р<еки> Стрыпы, где укрепиться на прилегающих к реке высотах. Для этой операции корпус наш будет усилен 43<-й> пехотной дивизией. Одновременно с атакой нами Злотниковского леса 3<-я> Ф<инляндская> стр<елковая> дивизия будет атаковать Буркановский лес, а 16<-й> корпус — прорывать противника примерно около Гайворонки. К операции этой предполагено приступить около 10 января.

Дивизия наша усиляется одной 6<-ти> дюйм<овой> батареей и одной 42<-х> лин<ейной>, обе батареи крепостные.

На основании этого указания мной составлена была объяснительная записка с указанием, какой

[Из записи от 2 января]

Утром для меня неожиданно приехал Сергей, его отпустили дней на 5–7. Полк его стоит у Волочиска неделю. Приехал он около 12 час<ов>. Ночевал в Микулинцах.

Вечером ездил к к<оманди>ру корпуса в Струсов. Дивизии дана теперь [нрзб] задача. Одновременно с атакой 3<-й> див<изией> Буркановского леса мы должны атаковать Злотниковский лес.

[Из записи от 3 января]

Утром составил записку в развитие указа к<оманди>ра корпуса по поводу предстоящих наших

полк к чему привлекается и какие работы должен выполнить.

3 января собраны были все командиры полков, которые ознакомились с запиской и обсудили подробно план работ. Атака Злотниковского леса возлагалась на 2<-й> полк, все оставшиеся дни он должен был посвятить разведке окопов противника и изучению подступов к ним. Для развития удара намечался 4<-й> Ф<инляндский> стр<елковый> полк. 1-й полк обеспечивал с правого фланга движение 2<-го> полка, а 3<-й> оставался на позиции, поддерживая связь с 23<-й> п<ехотной> дивизией, и прикрывал фланг корпуса.

4 января все принялись за новые работы, вызываемые новой задачей (приложение — записка). [Записка приложена к дневнику, но здесь не публикуется.]

«Новое изменение задачи 1<-й> Ф<инляндской> стр<елковой> дивизии»

В 4 часа утра 5 января снова было заседание у к<оманди>ра корпуса в Струсове; на этот раз введено, по настоянию н<ачальни>ка штаба корпуса ген<ерала> Зарина, *новое* изменение в нашу задачу. Вместо того, чтобы я вел атаку на Злотниковский лес двумя полками, решили, что достаточно для атаки одного полка, а другой передается к 3<-й> Ф<инляндской> стр<елковой> дивизии для лучшего содействия мне. Этот полк, маневрируя с 3<-й> дивизией против Буркановского леса, затем врывается в Злотниковский

действий. Вечером были собраны к<оманди>ры полков, которым раздали записки и обсудили подробности. Днем на позиции у нас было тихо.

[Из записки от 4 января]

Части приступили к рекогносцировке и рытью убежищ на выс<оте> 372. В течение дня много было недоразумений с корпусом, который все время отдавал противоположные указания. Прямо беда. Днем австрийцы очень сильно обстреливали Людвиговку и левый фланг 23<-й> дивизии. У нас на фронте было тихо

[Из записки от 5 января]

В 4 часа ездил к к<оманди>ру корпуса в Струсов. Задача дивизии изменена. Один мой полк передается [в] 3<-ю> дивизию для атаки Буркановского леса. Остальными полками я должен занимать позицию и атаковать Злотниковский лес. Завтра соберу к<оманди>ров полков, чтобы ознакомить их с новым изменением задачи. Это будет уже 3<-й> раз.

лес, присоединяется к полку 1<-й> дивизии, ворвавшись в Злотниковский лес и затем дальше уже под моим начальством форсирует реку Стрыпу. Я указывал, что нет ничего сложнее, как во время боя принимать или передавать из одних рук в другие войсковую часть, так как при таких условиях трудно знать, в каком состоянии часть находится и¹ что можно от нее требовать; наконец, забывается трудность прокладки связи от полка к штабам дивизии. Однако это изменение ввели в план действий. Пришлось собирать к<оманди>ров полков, знакомить с новой задачей и вести новые рекогносцировки, так как предыдущие оказались бесполезными при новой задаче. Постоянные перемены очень тормозят подготовительные работы. 6 января к вечеру составил приказ по дивизии на случай боя, который вечером же и разослали по полкам. Новый план страдает большой сложностью и для удачи его нужно особое счастье. Странно и то, что в то время, как я заявляю, что мне мало одного полка для атаки Злотниковского леса, а Волкобой (н<ачальни>к 3<-й> див<изии>) заявляет, что на своем фронте ему трудно развернуть помимо своей дивизии еще и мой полк, к<оманди>р корпуса все-таки остался при своем мнении, и одну дивизию перегружает полками, а другую ослабляет. По новому плану я направляю для атаки Злотниковского леса 2<-й> Ф<инляндский> стр<елковый> полк, для атаки высот 332 и

[Из записи от 6 января]

Утром были собраны в штабе все к<оманди>ры полков, которым была рассказана новая задача по атаке Злотниковского леса. В 3 часа получилось приказание по корпусу об атаке, где сказано, что день будет указан дополнительно. После этого составлял приказ по дивизии, который в этот же день выпустили. Вследствие переговоров со штабом корпуса пришлось сменить полки с позиций.

¹ Далее зачеркнуто слово: потому.

<p>357 — 4<-й> полк, и для удержания нашей позиции (главной) оставляю 3<-й> Ф<инляндский> полк, который должен растянуться на 7½ верст.</p> <p>1<-й> Ф<инляндский> стр<елковый> полк передается мною к 3<-й> Ф<инляндской> стр<елковой> дивизии для атаки Буркановского леса.</p> <p>Лишь бы все это удалось, а то труды и потери</p>	
<p>2) [Записи семейного характера] «Памятник»</p> <p>Давно я мечтал о том, чтобы отложить значительную сумму денег и сделать в Балке хороший памятник на Колюшкиной могиле, причем мне хотелось, чтобы этот памятник мог бы служить приютом, в будущем, и для других членов нашей семьи, если бы кто-либо пожелал быть похороненным в Балке или скончался бы там. С Балкой связано так много, что она, несмотря на свою дикость и может быть скуку, все же не чужая, а родная и близкая. Теперь мною отложено 1000 руб<лей>, которые я с кап<итаном> Пеленкиным 3 января и отправил Тане. Эти деньги, с процентами на них, все пойдут исключительно на памятник. Памятник этот, находясь на берегу моря, отлично будет виден простым глазом с нашего балкона, он будет виден и с моря. Памятник будет состоять из открытой часовни, состоящей только из колонн, может быть перекрытых куполом, а может быть и без купола. После войны в первую голову я хочу приняться за постройку этого памятника. будут совершенно не оправдываемы.</p>	<p>Написал Тане письма и посылаю с кап<итаном> Пеленкиным 1000 рублей, предназначенные для постройки памятника Колюшке.</p>

«Приезд Сергея в Задросцы»

2 января Сергей приехал ко мне в дер<евню> Задросцы. Так как штаб размещался всего в двух комнатах, то Сережину койку поставили почти вплотную с моей. Приехал Сергей с Дмитрием. Показывал Сергей вновь полученную им фотографию Генриетты Андреевны — очень симпатичное и красивое лицо. Сергей много рассказывал о ней и ее семье. Все, что он ни говорил, очень мне нравилось. Семья простая и, что редко бывает в наше время, идейная. Сергею, видимо, Ген<риетта> Андреевна чрезвычайно нравится. И слава Богу, что он увлекся, а может быть и полюбит хорошую барышню. Вечерами, лежа рядом, мы подолгу говорили с ним о Балке, о войне, о доме и о Ген<риетте> Андреевне. Разговор о Фафе не поддерживался им и потому сам собою обрывался. Днем, когда я бывал занят, Сергей сидел против [меня], читая книгу или писал письма. Длинное письмо, в страниц 12, написал он Ген<риетте> Андр<еевне>. Письмо это писал он, притулившись на своей койке за шкапом, который отделял нашу спальню от остальной комнаты. В хорошую погоду ходили с ним гулять по деревне или в направлении к главной нашей позиции. В одну из таких прогулок видели след<ующую> картину: в поле, в версте от нас, маячили три всадника, а по направлению к нам низко летели два аэроплана, один австрийский, другой наш, который летел значительно ниже аэроплана противника; мы остановились и любовались и полетом их, и тем, как они легко и ловко разошлись.

[Из записи от 2 января]

Утром для меня неожиданно приехал Сергей, его отпустили дней на 5–7. Полк его стоит у Волочиска неделю. Приехал он около 12 час<ов>. Ночевал в Микулинцах. День провели мы, главным образом сидя друг перед другом за столом в разговорах и письмах, т<ак> к<ак> завтра едет Пеленкин в Гельсингфорс. Гулял с Сережей по дер<евне> Задросцы.

[Из записи от 3 января]

Сергей весь день провел дома, писал письма. Очень я рад, что он со мной.

[Из записи от 4 января]

Чувствую себя очень приятно, так как Сергей все время со мной. Очень рад этому, точно праздник.

[Из записи от 6 января]

Гулял с Сергеем после обеда и перед сном. Днем Сергей писал письмо очень длинное Генриетте Андреевне. Хорошо, что он со мной.

[Из записи от 5 января] Ходил гулять с Сергеем. 1<-й> полк подбил неприятельский аэроплан. На позиции было тихо. Днем Сергей сделал несколько снимков: в Задросце сгорела халупа.

Впоследствии оказалось, что австрийский аэроплан сбросил бомбу в всадников, которых мы видели вдали, но бомба не задела их, попала в болото и не разорвалась, — это и было причиной того, что всадники маячили и как-то, — глядя со стороны, — бестолково метались в стороны. Затем аэроплан противника, завидя наш и находясь выше нашего, хотел его атаковать, т<о> е<сть> сбросить в него бомбу, но, когда наш аэроплан приблизился к д<еревне> Задросцы, противник не решился дальше преследовать его и повернул к своим позициям. Эту-то картину мы и видели и любовались ею. Позднее, когда австрийский аэроплан уже взял направление к своим (к р<еке> Стрыпе), он был подбит нашей артиллерией и начал снижаться, тогда 12<-я> рота 1<-го> Ф<инляндского> стр<елкового> полка открыла по нем ружейный огонь. Аэроплан еще быстрее начал снижаться и уже подлетал к своим проволочным заграждениям. Австрийцы, не заметив, что он падает к их проволоке и боясь, что он упадет на нашей территории, открыли с своей стороны по аэроплану артиллерийский огонь и расстреляли его в дребезги.

Накануне отъезда Сергея ходили с ним посмотреть на взрыв заводской трубы у д<еревни> Задросцы. Трубу эту надо было взорвать, чтобы затруднить ориентировку и пристрелку австрийцам. Для разрушения ее потребовалось 20 фунт<ов> пироксилина. Падала труба сначала цельной, описывая радиус, затем верхняя ее часть изогнулась в воз-

[Из записи от 7 января] Сегодня взрывали трубу у завода, что близ нашей деревни Задросцы. Для взрыва положили 20 фун<тов> пироксилина. Взорвали ее в два приема; первый дал большую дыру, второй взрыв повалил трубу. Сергей хотел снять падение трубы, но запоздал. [...] Вечером ходил с Сергеем на прогулку. Сергей очень сошелся со штабными офицерами, больше всех ему нравится Сальников.

[Из записи от 8 января] После обеда Сергей уехал к себе. Дал ему автомобиль.

духе змей и, сломившись, рухнула уже отдельными частями и кирпичами вниз.

8 января после обеда Сергей на автомобиле отправился к себе в полк. Чрезвычайно приятно было иметь его около себя. Хороший и добрый он мальчик.

3) [Зарисовки, анекдоты]

«Сотник Трояновский»

— Сафронтий, держи чемодан прямо и открывай сразу!

Сафронтий, здоровый казак, стоя посреди убогой комнаты, изготовился сразу открыть две половинки чемодана, весьма старого, потертого и не имевшего замка.

Около чемодана, в боевой позе, со стеклом в руке, стоит молодой сотник, небольшого роста, худощавый, с лицом слегка калмыцкого типа.

— Николай Павлович, не промахнитесь, опять упустите, — спокойно и тихо раздается совет со стороны группы офицеров, проживающих в той же комнате.

Мгновенно распахиваются крышки чемодана, раздается удар стека и двести мышши, выскочившие из чемодана, быстро скользят по полу, скрываются под койками и окончательно исчезают у печки.

— Николай Павлович, как Вам не совестно, опять промазали!..

Сотник вместе с Сафронтием вытаскивают из чемодана новые чикчиры и, распустив штанины, свидетельствуют их состояние. Чикчиры оказываются в полной неприкосновенности. Мыши погрызли переплеты нескольких книг, не тронув на этот раз остального имущества сотника.

Стоя на корточках, Сафронтий сметает рукой в один угол чемодана папиросы, в другом углу устраивает склад книг, а в середину водворяет кипу белья. Крышки чемодана смыкаются, и он искусно водворяется Сафронтием в пространство между стеной комнаты и койкой, чтобы этим путем удержать его в запертом состоянии. При этой операции внутри чемодана раздается глухой звук, свидетельствующий о сдвиге всего имущества, но это не смущает ни сотника, ни его денщика. В свое время вновь будет произведена ревизия чемодана. Об этом напомним мышши.

— Николай Павлович, у Вас имущество черт знает в каком виде и, кроме того, нет запасных сапог.

— Петр Яковлевич, я не хочу быть, подобно Вам, рабом вещей. На войне не должно быть ничего лишнего, а лишнее — все, что не на себе. У меня были сапоги, но я их подарил Сафронтию, все равно съели бы мышши. У меня и в мирное время нет никаких вещей — это только одна обуза, но я чувствовал

себя хорошо; странно было бы мне заводить теперь, на войне, ковры, — как Вы, — и подобную дребедень.

И действительно, сотник Трояновский не имеет никакого имущества. Приехал на войну к нам, в Пржитулен, имея под мышками газетный сверток с полотенцем, сменой белья и мелом. Завел было он золотые часы-браслет, и для удобства, чтобы не забывать заводить их, дал носить их Сафронтию.

Сафронтий два дня носил, а на третий явился сотнику и, держа в ладони часы и колесики к ним, доложил, что механизм часов оказался тухлым и часы не ходят. С тех пор сотник время определяет опросом, а Сафронтий спокойно, уже без хлопот, носит на руке браслет-часы.

«Анекдот»

— Помни, в бою не робей, все от бога. Кого, значит, суждено, того пуля уберет, кого – заденет, а кого надо — минует. То же и в мирное время. Вот я, например, был в городе, шел себе по панели, а с вывески вдруг буквы чугунные, в аршин каждая, взяли да упали, а одна мне на голову.

— А как же Вы, Петр Петрович, живы остались?

— Все счастье, батенька — мягкий знак мне на голову упал — этим и спасся.

Список литературы

Источники

Обручева К. Е. Николай Афанасьевич Обручев // Измайловская старина. Александриния, 1935. Тетрадь № 23. С. 188–199.

Исследования

Друзин М. В. Россия в зеркале Первой мировой войны: Дневник генерал-лейтенанта Николая Афанасьевича Обручева (1864–1929) «Что видел и слышал на войне. 1914–1916» // Политическая история России XX века: К 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сб. статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 118–127.

Михайлов Д. А. Обручевы. СПб.: Б. и., 2010. 340 с.

References

Druzin, M. V. "Rossiia v zerkale Pervoi mirovoi voiny: Dnevnik general-leitenanta Nikolaia Afanas'evicha Obrucheva (1864–1929) 'Chto videl i slyshal na voine. 1914–1916'." ["Russia in the Mirror of the First World War: The Diary of Lieutenant General Nikolai Afanasyevich Obruchev (1864–1929) 'What I saw and Heard in the War. 1914–1916.'"]. *Politicheskaiia istoriia Rossii XX veka: K 85-letiiu professora Vitaliia Ivanovicha Startseva. Sbornik statei [Political History of Russia of the 20th Century: on the 85th Anniversary of Professor Vitaly Ivanovich Startsev. Collection of Articles]*. St. Petersburg, Herzen University Publ., 2016, pp. 118–127. (In Russ.)

Mikhailov, D. A. *Obruchevy [Obruchevs]*. St. Petersburg, 2010. 340 p. (In Russ.)